

ИГЛАДУЭНИИ

ВРЗКУД

Константин
Крылов

сборник
почти
некрологов

1

Перед вами фрагмент книги Константина Анатольевича Крылова «Друзья и недруги».

Константин Крылов (18.10.1967–12.05.2020 — русский философ, писатель-фантаст, публицист, политик. Литературный псевдоним — Михаил Харитонов. Основатель журнала «Вопросы национализма» и так и незарегистрированной Национально-Демократической партии. Один из идейных лидеров русского национализма.

В полной версии книги на 280 страницах представлены 16 эссе о значимых персонажах русской истории, написанных в фирменной крыловской манере — ядовито и саркастично.

Приобрести книгу можно на сайте издательства:
<https://chernaya100.com/krylov-pochtinekrologi>

Русский мыслитель Константин Крылов о друзьях и недругах русского народа. Сборник жизнеописаний из лучших статей Константина Анатольевича. От Ивана Грозного до Бориса Немцова. Едко, вьедливо, вдумчиво и дотошно.

ДРУЗЬЯ

8	Солженицын. Гроссмейстер
40	Немцов. Обаятельный грубиян
90	Кизюков. Памяти друга
100	Николай II. О «Николае кровавом»
124	Розанов. Первый русский мыслитель
154	Цымбурский. Гений
192	Шафаревич. Филалет
224	Ильин. Жизнь Ивана Ильина

НЕДРУГИ

18	Ельцин. ЕБН
48	Доренко. Телекиллер
96	Евтушенко. Образец чистого советизма
112	Грозный. Кто прошлое помянет, тому глаз вон
136	Искандер. Мыслящий удав
166	Бжезинский. Ястреб
206	Малашенко. Создатель НТВ
270	Пайпс. Главный по России

ПРЕДИСЛОВИЕ

18.10.1967
12.05.2020

В этом сборнике — 16 статей, написанных Константином Крыловым в разное время, по разным поводам, в разном настроении и про очень разных людей. Есть всё, — от задумчивой аналитики до яростных памфлетов, — но в большинстве текстов нет однозначной оценки персонажа. Крылов, как и всегда, вдумчив, дотошен и стремится к объективности даже при явных симпатиях или антипатиях. Даже отвратительную сволочь он способен понять, пожалеть и отыскать в ней светлые стороны.

Нам было трудно категорично и однозначно записывать героев в друзья или недругов. Пока не началась война. Хорошо это или плохо — война всё упрощает. Человек либо трус, либо храбрый. Либо на нём тактические знаки белого цвета, либо жёлтого. Либо он друг, либо недруг. Наша нация воюет, и всё многообразие людей неумолимо делится на эти две категории.

Прозорливый автор словно заставил нас дожидаться 24 февраля 2022 года, чтобы в его сборнике всё встало на свои места. В финале сколь угодно всеобъемлющего и объективного анализа наконец-то стал уместен приговор: наш или не наш. Герои спарены по смежным признакам, один +, второй –, иные пары удивили даже нас самих. Тем не менее получилось отличное пособие, как отличать своих от чужих — актуальное в наше непростое, но великое время.

Приятного чтения!

Андрей Никитин, литературный редактор
Август, 2022 год

Константин Крылов

Ельцин

Вспоминать ельцинскую эпоху у нас не то что не любят, но стараются это делать выборочно — и, желательно, в своём кругу. Разговорчики на эту тему ведутся вполсловечка, с поддонцем, со специальными усмешечками — особенно среди тех, кто в те годы жирковал и харчился особенно лихо.

Но ещё характернее жалкие мышинные лыбочки тех, кто в те годы ничем не попользовался, а, напротив, пострадал и лишился. Воспоминания о челночных рейсах и торговле перемороженными помидорами приберегаются для таких же — битых-ломатых, перетерпевших, доподлинно узнавших, почём он, зелёный.

Если с чем-то сравнивать интонацию этих разговоров, то на ум приходит одна неприятная аналогия. С очень похожей кривоватой ухмылочкой иные пожившие-повидавшие мужчины вспоминают совместное житьё с распутной бабой — из таких, кому не в падлу прийти под утро в рваных колготках, получить заслуженную оплеуху, а на истощное «Ну почему?!» спокойно отряхнуться и пожать плечиками: «Ну вот такая я блядь, сам выбирал».

Слово «блядь», вопреки пуританам, хоть и грубо, но вполне пристойно,— его, к примеру, можно встретить в богослужебных книгах на церковнославянском. Там оно означает ошибку, заблуждение или ересь, причём не случайную, а упорную, сознательную ошибку, намеренное отступление от истины. Слово родственно западнославянским словам, обозначающим потемнение, помрачение ума, слепоту и смещение, квивпрокво и всяческую неразборчивость.

За этим стоит образ правильного пути, как правило единственного, ведущего к праведной и святой цели, — и великого множества «кривых, окольных троп», по которым блядь и ходит по блядским своим делам.

Разумеется, это может касаться человеческого поведения в любых сферах. Современное значение слова выпятилось понятно почему: распутная баба, «блудница», *ходящая по мужикам* в самом прямом смысле слова (из избы в избу, каждый раз по другой дорожке, задами-огородами) воплощает метафору совсем уж буквально. Но вот, например, церковнославянское «блядивый» означает «празднословный», «демагогический», а если совсем уж точно — «многими речами приводящий в заблуждение и сбивающий с толку».

На это стоит обратить особое внимание, потому как тут-то и пролегает грань, делающая блядство особо скверным грехом, куда более гадким, чем «просто» ложь или «просто» измена. В отличие от обычного лжеца, стремящегося убедить человека в чём-то ложном, но конкретном, блядоуст ставит перед собой иную, ещё более мерзкую цель — отвратить человека от истины как таковой, сманить с прямой дороги в тёмные чащобы разнообразной неправды, где человек сам заплутается, сам себя обманет, потеряется и погибнет. Лжец учит лжи, но хоть *определённой лжи* — от неё ещё можно возвратиться к истине. Блядоучитель же учит *всей лжи* сразу. Точно так же обычная баба-блядь не «изменяет»

одному мужчине с другим, вполне определённым мужчиной, которого она «предпочла» первому, а именно что *спит со всеми*. Это куда более глубокий уровень нравственного падения, чем обычная измена в стиле мадам Бовари или Карениной.

Позволяя себе толику пафоса, можно сказать, что подлинной противоположностью Истине и Добру являются даже не ложь и аморальность, а именно что *блядство* [2]. Человек, искренне придерживающийся ошибочного мнения или практикующий неправильное поведение, ещё небезнадёжен. Например, человек, сознательно лгущий по какому-то поводу, причём в одном и том же ключе, тоже может быть не столь уж плохим: например, он может быть убеждён, что эта ложь «сейчас нужна» и «будет во спасение». Но вот человек, принявший ложь как норму мышления и образ жизни, — это уже «другая порода людей». Именно поэтому самый доброжелательный и симпатичный циник бесконечно гаже самого угрюмого фанатика. Впрочем, ещё бывают циники, изображающие фанатиков, — и это уже запредельно гадко...

Но вернёмся к «ельцинской эпохе». Самое краткое и самое точное, что можно о ней сказать, — это было *блядское время*. Время, когда бляди (точнее, *блядва* [3]) стала властью, причём властью единственной и абсолютной.

[2] Точно так же, как ответственно-сти противостоит не абстрактная «безответственность», а саботаж.

[3] К. Крылов. Ономастика. 31.08.2003 // URL: <https://krylov.livejournal.com/675217.html> (дата обращения: 09.09.2022).

II

Строго говоря, «ельцинский век» следует делить на три части — до воцарения ЕБНа на российском престоле, до уничтожения Верховного Совета и, собственно, само царствие.

Первая часть — которая «до» — сейчас сильно зашлифовалась в коллективной памяти, и всё по тем же причинам: вряд ли бывший муж бляди будет вспоминать период досвадебного ухажёрства.

Особо мерзит тут именно искренность бывшего чувства: ведь любил же он эту дешёвую потаскушку, дарил цветы, стоял под окнами, все дела. Это вспоминать даже противнее, чем её последующие рысканья по мужикам, ибо ничто так не унижает человека, как проявление высоких чувств к куску дерьма. «Целовал какашку», фу, бэ-э-э.

Но будем всё-таки честны. Вспомним, как оно было.

О существовании Ельцина советский народ узнал в последнюю неделю октября 1987 года. Сначала по столице, а потом по Союзу зашелестели слухи, что какой-то правильный свердловский мужик на пленуме ЦК обличил Горбача и всех коммуняк в злоупотреблениях, за что его сняли со всех постов и засунули в психушку, где пытались убить ножницами. Впрочем, тема про ножницы, кажется, появились потом. Вместе со слухами поползли набранные на пишущей машинке копии «речи Ельцина». Я видел несколько вариантов этой речи. Некоторые из них более или менее соответствовали тому, что было реально сказано, некоторые — более интересные — были чистой фантазией. Ельцину приписывались обличения заживших коммуняк, требования создать «вторую партию», требования всяческих свобод «и ваще». Несомненный факт изгнания с партийного Олимпа придавал всему этому некую достоверность: не могли же они убрать его ни за что? В книжном магазине на Калининском проспекте тихом списывали в макулатуру фотопортреты Ельцина.

Дальше был своего рода провал. О Ельцине не то чтобы не говорили, но были темы поинтереснее. Интеллигенцию волновал Сахаров, события на съезде, разрешение печатать Гумилёва и Ахматову, а также окончательная реабилитация НЭПа и Бухарина. Народ волновался по поводу пустых полок, выходок любителей и первых публикаций про наркош и путан.

На последнем стоит остановиться. Для широких масс настоящая перестройка началась с длинной, растянутой на много номеров публикации

в «Московском комсомольце», посвящённой жизни проституток, из которой народ узнал, сколько Это стоит и столько Они за это получают. В 1989 вышла «Интердевочка», с которой стало делать жизнь — с разной степенью успешности — подросшее молодое мясо, бывшее когда-то «человеческими детёнышами». В том же году появился таинственный писатель-фантаст Вилли Конн, порадовавший читателей творением под названием «Похождения космической проститутки». Одна моя знакомая, фантастику не жаловавшая, купила эту книжку в киоске, не разобравшись со словом «космической»: как выяснилось, она восприняла его как позитивный эпитет («ну космическая же совершенно проститутка!»). Упс.

Но вернёмся к проституции земных масштабов. В те же времена появился новый жанр — слухи о праведной жизни Ельцина. Оказалось, что он, кремлёвский небожитель, пусть и поверженный, «ездит в трамвае», «отоваривается в обычных магазинах из сети» (это всё же вызывало лёгкое недоверие — «не, врешь, так не бывает»), «видели его в метро» и т. п. Разговоры о ельцинском аскетизме перемежались темой «борьбы с привилегиями». Правда, тогда же стал доходить и первый негатив — оказалось, Ельцин в Свердловске снёс какой-то важный исторический дом. Но этому тогда не придали значения: «Мало ли, дело тёмное».

В марте 1989 года Ельцин был выдвинут кандидатом в народные депутаты Верховного Совета СССР от Москвы. Ходили слухи, что противником ему дадут Сахарова. Это вызывало у интеллигенции морально-нравственный тремор: «Какой коварный план! Как подло, как подло играют коммуняки!» Опасения оказались напрасными: соперником Борису Николаевичу дали директора ЗИЛа Евгения Бракова (представляю ухмылки сегодняшних пиарщиков: «Директор завода, советские автомобили, брак... Гы!»). Браков — интеллигентного вида мужик в очках — говорил, как теперь выясняется, довольно правильные вещи. Но они никого не интересовали.

В день выборов пьяненький муж подруги моей тогдашней жены, обхватив голову руками, причитал: «Опять обманут... Опять обманут... Потом скажут, а мы и поверим, как овцы поверим... Но если выберут Ельцина — я поверю в демократию». Ельцин победил, собрав девяносто процентов голосов по Москве — точнее, 89, очень грамотная и красивая цифра.

В сентябре того же года Боря снова заставил говорить о себе, чрезвычайно удачно упав с моста через Москву-реку, что у Николиной горы. Народ взволновался: всем приличным людям было понятно, что его туда сбросил проклятый КГБ. Я видел даже поэму, написанную каким-то арбатским станочником (тогда была мода стоять на Арбате и читать свои стихи, а потом продавать самопальные сборнички — теперь я жалею, что не прикупил этих шедевров), посвящённую этому событию. В поэме смело намекалось на то, что страна у нас кровавая, а Борису Хотели Убить За Правду. Какую такую «правду» нёс с собой Бориска, кроме как «вредить коммунякам и Горбатову», было непонятно — но в это верили.

Тут уже наметилась некая тенденция, пыльным цветом расцветшая позднее. Как ни странно, даже в тот героический период Ельцин, при всей его брутальности, никем не воспринимался как Вождь с Большой Буквы. В частности, его не воспринимали как «ведущее и направляющее начало». Даже его позднейшее позирование на БТРе воспринималось, скорее, как литературная цитата, нежели как реальный вождизм. Зато Ельцин был очень хорош в роли защищаемого и опекаемого. Народ не «шёл за Борисом Николаевичем», нет — он *носился* с Ельциным, как с писаной торбой, в полной готовности вылавливать его из любой речки, любого болота, любого чана с дерьмом, куда он упадёт. Он вызывал максимум интереса именно в этой своей ипостаси.

Тогда же я узнал, что ельцинскую супругу зовут Наина,— и многое понял.

Впрочем, к тому времени я всё больше расходился даже с ближайшим окружением в оценках текущей ситуации.

Последняя, самая страшная, волна ельциномании накатила в марте девяностого, когда прошли выборы в Верховный Совет РСФСР. «Демократы первой волны» завоевали тогда парламентское большинство.

Дальше было круче. Я никогда не забуду чудовищные митинги на Манежной площади, бьющихся в экстазе старушек и крики — «Ельцин-Ельцин-Ельцин!!!»

О психологическом состоянии «советского пока ещё народа» лучше не говорить. Человечков буквально *крутило* — они блукали впотьмах, как слепые, и выли, как бешеные. Немногие сохранившие остатки ума смотрели на взбесившихся с ужасом и омерзением. Это был прямой выплеск инферно — какое-то всеобщее оле-оле и гыр-гыр-гыр, помрачение последних остатков разума. В нормальных вроде бы людей легионами вселялись бесы, которые греготали и похабноглаголали какие-то непотребные кощунства. И среди них главным заклятием было то самое — «Ельцин-Ельцин-Ельцин!!!»

И бесы уссывались в аду, внимая тому, как призывают слепленного ими из нечистот голема.

«Человеком года» в 1990-м стал Анатолий Кашпировский.

А в 1991 году российской народ *сделал исторический выбор в пользу свободы и демократии.*

IV

[4] К. Крылов.
ГКЧП. 20.08.2001
// URL: [https://
krylov.livejournal.
com/149500.html](https://krylov.livejournal.com/149500.html)
(дата обращения:
09.09.2022).

Я стоял на неперевернутом троллейбусе [4]. Где-то поблизости вроде бы были и перевёрнутые, как белобрюхие рыбины на песке. Зачем их переворачивали, непонятно. Вокруг никто особенно не бесновался, хотя я-то ожидал именно беснования. Но нет, всё было относительно спокойно.

Рядом со мной сидели какие-то подростки и курили. Обычные такие подростки, даже симпатичные. Вряд ли они что-нибудь понимали.

Вообще, вокруг было много симпатичных людей.

Я был уверен, что в них надо стрелять, пока они не разбегутся. Я надеялся на то, что у ГКЧП достанет мужества это сделать — начать стрелять.

«Дядька научил мамку зарезать, и папку зарезать, и братика тоже зарезать. Дядька умный был, с бородищей. Я пошёл, зарезал». — «И кто же ты теперь после этого?» — «Бе-е-е-едный я сиротинушка».

Потому что эти симпатичные люди убивали свою страну. В общем-то, даже не по злобе, а по глупости. Но от такой глупости можно вылечить только пулями.

В дальнейшем выяснилось, что среди этой толпы были практически все те люди, с которыми я сейчас нахожусь в деловых, дружеских и всяких прочих отношениях (включая мою нынешнюю супругу), так что. И тем не менее я до сих пор думаю, что несколько выстрелов могли изменить отечественную историю в лучшую сторону.

V

Быть обманутым не просто неприятно, но и стыдно. Ещё стыднее накосячить так, что плохо станет не только тебе, но и другим. Обманщики это прекрасно понимают и обожают этим пользоваться.

Проглотившему наживку человечку объясняют, что он-де кровью подписался под какой-нибудь гадостью и теперь должен её делать, «как честный человек». «Ты обещал,— говорит обманщик,— ты же у нас честный — иди и делай». При этом почему-то не учитывается, что козыряющее подписанной бумажкой блядво само никаких обещаний не держит и даже не делает вид, что держит. «Я тя, лоха, обул — а ты гнись, гнись». «У меня бумажечка-то — вот она». Если же бумажки нет, в ход идёт обычное блядьё присловье: «Ты меня замуж взял — сам выбирал».

Точно так же события 1991-го выдают чуть ли не за церковный брак народа российско-го с ельцинской блядвой и прошмандой, разлучить который теперь может только смерть (понятное дело, народа, а не прошманды — та намерена жить и веселиться, прокучивая имущество покойного супруга). Тогдашние сватья бабы Бабарихи, сладко певшие народу в уши о прелестях и чистоте невесты, теперь ощериваются гнилыми зубами:

«Вы выбрали демократию, выбрали рынок, выбрали реформы — теперь не жалуйтесь, не жалуйтесь, терпите и несите эту ношу смиренно, смиренько, смирёхонько, до гроба». «Вы подписались, вы сделали свой исторический выбор — теперь не жалуйтесь». «Выбрали — несите ответственность».

На самом деле все разговоры об «ответственности» являются точно таким же обманом, заговариванием зубов — для того, чтобы опрометчиво подписавший невыгодный контракт человек не пошёл в суд (земной или высший) и не аннулировал контракт, не послал блядищу по известному адресу и так далее.

Впоследствии многие из тех, кто в ту пору готовился к сражению с янаевскими супостатами, кое-что поняли. Некоторые, кстати, встретились там же в 1993 году. Иные разорвали контракт с чертоплешью и возненавидели блядищу на престоле позже, но не менее искренне... Другое дело, что это уже было поздно. Но лучше поздно, чем никогда...

Во всяком случае, об этих людях — как говорил Бобр в сказке Льюиса — «возможны два мнения». Но двух мнений быть не может о бляд-ве, которая тогда отнюдь не побежала защищать молодую демократию, а всё больше отсиживалась по огородам — зато теперь вспоминает *развесёлые девяностые* с причмоками и слюнькой.

Ибо это было её, блядвы, золотое времечко, *своя минутка* — за которую она, впрочем, успела больше, чем другие успевают за века. Ибо — *дело её было нехитрое*.

VI

«Беловежье» стало невероятным, чудовищным геополитическим преступлением, по сравнению с которым меркнут абсолютно любые примеры национального предательства, известные в человеческой истории. Для того, чтобы хотя бы описать подобное злодеяние, нужно быть либо историком, либо поэтом, поэтому я лучше промолчу.

Только одно замечание. Беловежское предательство не было однократным актом, как представляют себе это дело многие, пишущие сейчас о том,

как три пьяных кретина уничтожили Страну. О нет, это было бы слишком хорошо. Беловежье — это процесс, а ещё точнее — *стиль*. Например, заключение похабнейшего (куда там Брестскому миру) «большого договора» с т. н. «Украиной» от 19 ноября 1990 года было актом национального предательства, сравнимого с «беловежьем» если не по масштабу, то по стилю уж точно. Скажем больше: вся внешнеполитическая деятельность Эрефии строилась и строится по образу и подобию того акта, который её, Эрефию, и породил — то есть Беловежских соглашений. Впрочем, как и внутривластная — чего только стоит «берите суверенитета, сколько влезет» или вооружение Чечни. Это всё было мерзко, подло, бессмысленно — но очень узнаваемо.

VII

Экономическую, социальную и геополитическую доктрину ельцинского правительства можно определить одним словом — *кутёж*.

Бляди, как известно, к деньгам как таковым равнодушны. Они любят не деньги, а удовольствия, а среди удовольствий они больше всего любят кутежи, когда за один вечер просаживается состояние. Причём само сознание того, что по ветру идёт овеществлённый человеческий труд сотен и тысяч людей, только добавляет желанного перчика. «Вот мы как гуляем».

Сейчас очень сложно понять, какими рациональными соображениями руководствовались, скажем, Козырев или Бакатин, сдавая американцам советскую агентуру или идя на чудовищные, невиданные в мировой истории сдачи и капитуляции. Даже если признать всех этих людей прямыми агентами Вашингтона, и то подобное поведение выглядит странноватым. Агент такого уровня, разумеется, сдаёт что надо — но при этом понимает, что делу надо

придавать законный вид и толк, красиво оформлять бумажки, не светить мордкой и соблюдать принятый в таких делах политес. Здесь же сами американцы-победители только рот разевали: «Да что это они творят?!» Когда тот же Бакатин передавал им схемы прослушки посольства, товарищи из вашингтонского обкома были близки к кондратию: «Так же не делают».

На самом деле весь кайф «молодых реформаторов» состоял именно в том, чтобы всё спустить с шиком. Пустить по ветру одну из величайших стран мира, жизнь и труд миллионов людей — о, таких практик не знали и римские цезари. Нерон, подпаливший Рим; Герострат, пустивший пеплом храм Артемиды; султан, сжигающий Александрийскую библиотеку, — всё это были какие-то пигмеи, черви, мураши на фоне пьяного рычащего ублюдка и его гоп-компании, захватившей власть и куражащейся всласть.

Наступило полное осуществление блядских мечт, апофеоз местечкового шика: «хрусты летели и летели», страну выносило в трубу с потрохами. Пьяные бляди сидели «на набережной» и швыряли в воду золотые слитки, наслаждаясь бултыхом.

В этом смысле нет никакой, решительно никакой разницы между очередным «перенацеливанием ракет» или «сдачей рубежей» — и, скажем, ельцинским пьяным рыганием в телекамеры, его похабным «Шта-а?» или струёй старческой мочи, орошающей колесо самолёта. Всё это был блядский кутёж и кураж, обязательно с «выходками» и танцами на столах.

Впрочем, что немногие *несданные* позиции России, — причём в вопросах, в которых сдача, казалось бы, подразумевалась по дефиниции — остались, похоже, благодаря всё тем же качествам. Например, Ельцин так и не отдал японцам Курилы. Причин на это никаких не было — но была пьяная злость и пьяное упрямство. «Шта-а? Чё это они хотят? Да они кто? Да они американцы, чё ли, шоб мне указивки слать? А вот не буду. Пушай мне Клинтон скажет, тады бум разговаривать. А так — пшли на хр».

Ясен пень, оно не отменяло дикого страха «реформаторов» перед возможным — в те годы ещё возможным — возмездием, «за пицунду и на кукан». Но это только придавало прыти: необходимо было полнотью, до конца уничтожить мощь и величие страны, как можно скорее выморить или вытолкать толковых людей, как можно скорее сделать из «Верхней Вольты с ракетами» просто Верхнюю Вольту.

Поставленной цели они достигли.

VIII

Войну в центре Москвы, ведущуюся органом исполнительной власти против органа законодательной власти, я комментировать не буду — не из сентиментальных каких-нибудь соображений, а потому, что это не даёт «прибавления смысла» к уже сказанному. Точно так же не имеет смысла комментировать «конституцию», «приватизацию», «залоговые аукционы», «веерные отключения» и прочую бесовщину.

Сказать, что национальная политика ельцинских лет была антирусской, значит не сказать ничего, начнёшь описывать детальки и подробности геноцида русского населения Эрефии — получится очень толстая и очень чёрная книга, за каждую страничку которой всех причастных к этим делам следовало бы как минимум повесить. Абсолютно вся политика эрефского правительства может быть аналитически выведена следующим образом. Берётся какое-то предложение. Сначала смотрится главное — *не станет ли от его принятия русским лучше?* Если да, оно отвергается сразу и навсегда. Если нет — оно рассматривается: тут уже вступают в силу конкретные интересы. Но в случае плюса по первому пункту «даже и речи идти не может» о его принятии.

Поговорим лучше о чём-нибудь более возвышенном, духовном. Хорошая теория стоит иной практики. Булгаковский Воланд в Москве

вот не очень интересовался текущей политической соввласти. У него был другой хороший вопрос: «Изменились ли люди внутренне?»

IX

Крайности, как известно, смыкаются — хотя лучше бы нам при той *смычке* не присутствовать. В частности, полное и абсолютное блядство смыкается с невинностью. Настоящая, неподдельная невинность — невинность ребёнка или собачки — состоит в незнании вины, в том числе и за собой, в неведении того, что они, собственно, творят. В рассказе Грина маленькая девочка растапливает камин папиной учёной рукописью, на которую тот положил полжизни, — и не виновата: она же очень любит папочку и просто не понимает, что эти бумажки ему дороги. Для полноты картины можно представить и другой вариант: молодая секретарша тырит у дядьки его умные бумажки, потому что ей за это пообещали сторублёвочку. Нет такой вещи, которую блядь не сделает за побрякушку. Взятая за пицунду, блядь будет хлопать глазами и говорить: «А чё? Чё я такого сделала? Мне хотелось *бусики* купить, чешские, красивые, а этот жмот мне на *бусики* денежку не даёт, так я чё, буду без *бусиков* ходить, что ли?» И хоть ты её, падлу, режь, хоть с кашей ешь — будет визжать, захлёбываться слезами, но ничегошеньки не поймёт.

Бляди, не достигшие такого уровня морально-нравственного совершенства, вынуждены его симулировать. Они специально тренируются широко открывать глаза и делать «а чё».

Ельцинское царство всеобщего растления потребовало быстрого и массового воспитания легионов блядей. Люди поплоше, почуяв спрос, начали перековываться.

Выразилось это прежде всего в массовом обучении *фигурам невинности*.

Простейший способ симуляции таковой — намеренное занижение своего культурного и нравственного уровня, игра в дикарей, которые «такие все природные». Дело дошло до массового копирования дикарских повадок. Бывшие люди стали сознательно корчить из себя «африканских негритосов», не знающих законов и приличий, не читавших всяких там Достоевских и увлечённо сморкающихся в занавески.

Отсюда, из этого желания *блядски опроститься*, и пошёл «новый русский» — насквозь мифологический, но притом определяющий тип ельцинской эпохи. Как говорят, само слово вылузгалось из французского газетного «нуво раш», каламбурного варианта «нувориша». Впрочем, каламбур на то и каламбур, чтобы осмеивать. «Новый русский» был именно что не «нуворишем», не цепким и скряжистым скоробогачом, а наоборот — гугукающим дурачком, «вованом», трясущим семиствольной волюной и скупающим в Лондоне шмотки подороже. Кстати, тогда же в мужскую моду очень кстати вошли типические *блядьи шмотки* — например, пресловутые барсетки «из кож крокодайла».

X

Одно из самых омерзительных зрелищ, которые только можно увидеть в нашем и без того несовершенном мире, — это блядь, *добившаяся успеха*.

Собственно, в успехе как таковом ничего плохого нет, скорее наоборот. Однако успех по-блядски разрушает все неблядские варианты успеха, делая успех как таковой чем-то гнусным и омерзительным.

Здесь уж позвольте немного потеоретизировать — иначе вам будет непонятно, а мне неприятно, что вы не поняли.

Начнём с того, что в любом обществе существует набор *общественно одобряемых целей*. Под «общественным одобрением» здесь имеется в виду всё то, «за что девушки любят», «за что люди уважают» и так далее. Скажем, толстый кошелёк, видный пост, профессиональный успех, рельефный брюшной пресс, умение общаться — это всё нравится девушкам и вызывает зависть и уважение друзей и знакомых. Соответственно, стремление обладать всем этим будем считать общественно одобряемым. Напротив, многие волнительные цели обществом не одобряются, хотя кто-то их и преследует. Например, стремление к переживаниям чикатиловского толка вызывает ужас и отвращение, а невинные радости коллекционера горелых спичек — презрительное непонимание. Но ни чикатил, ни коллекционеров спичек не любят, так что об этом можно не беспокоиться.

Дальше пойдём. В любом обществе существует набор *общественно одобряемых средств* для достижения целей (любых целей). Например, ведение бизнеса с целью получения прибыли обычно считается нормальным и естественным, а вот убийство отца ради получения наследства — всё-таки, наверное, нет.

Теперь внимание, важное. В *нормальном обществе для достижения любой общественно одобряемой цели существует набор общественно одобряемых средств*. Денег можно заработать, пост — выслужить, и так далее. Грубо говоря, возможен *честный успех*.

Но то в обществе нормальном. В ельцинском же блядюжнике, именуемом «постсоветской Россией», для достижения наиболее привлекательных общественно одобряемых целей *просто не существует* общественно одобряемых средств.

Что это значит? Было построено общество, в котором деньги можно *только* украсть, власть можно получить, *только* участвуя в каких-то невероятно гнусных играх, и так далее. Все остальные возможности были просто искоренены. Скажем больше: было достигнуто положение вещей, при котором абсолютно

все виды успеха, достижимые путём использования общественно одобряемых средств, успехом считаться перестали. Например, перестали цениться научные звания, военные награды и так далее. Вообще всё человеческое перестало цениться, если это «не деньги». Всё, абсолютно всё непозорное, доставшееся умом, трудом и доблестью, было сознательно опоганено правящей блядвой, облёвано ею, обгажено. Делалось это сознательно и сладострастно.

Например. В те годы обожали рассуждать — причём публично, в газетах — про ветеранов и их детей, торгующих боевыми орденами. Издевательство тут было сугубое, рафинированное: сознательно доведя людей до гнусной нищеты, жиркующая блядва ухохотывалась над их бесчестьем. «Что, Ванёк, вот для чего ты Берлин брал? Ну, медалики за взятие тебе на бутылку хватит, пьянь старая».

С другой стороны, мерзотина стремилась всячески легализовать и даже возвысить себя. Если бы ельцинизм в его чистом виде продлился бы ещё лет десять, то человек, не отсидевший в тюрьме, просто не стал бы допускаться в политику или крупный бизнес — по формуле: «Ты, Вася, сначала на зоне срок помотай, а потом уже в депутаты собирайся». Сейчас это звучит диковато (всё-таки люди склонны забывать некоторые вещи), но те, кто помнят нравы золотого додефолтного времени, подтвердят, что всё к тому и шло.

Тут, однако, была своя сусть. Между общественно одобряемыми целями (богатством и властью) и общественно неодобряемыми средствами (прямой бандитизм, какой-нибудь преступный бизнес, ментование, чиновничье обиралово и прочая гнусня) имелась-таки узенькая щёлочка — как между откормленными ягодицами. А именно, существовал один способ оказаться на вершине, якобы даже не особенно пачкаясь. Способ простой — устроиться на шее какого-нибудь гада. Подруга бандита, жена предпринимателя, сын мента и дочь

губернатора — вот кто был настоящим выгодополучателем в славные девяностые. Позиция воистину блядская, но «по установившейся морали» эффективная.

Интересно, что в ельцинском обществе полностью отсутствовала позиция «бедный, но честный». Господствующий блядский дискурс особенно ненавидел и презирал тех, кто не принимал участие в общем развороте. Поэтому непричастные к «реальным челам», то есть к начальническому или бандитскому миру, рассматривались либо как трусливые неудачники («не смог стать вором, зассал»), либо как неудачливые преступники («выгнали с должности — небось, не тому на лапу дал»), либо, наконец, как клинические идиоты, не понимающие, как мир устроен, *лошки из подворотни*. В ельцинском обществе, разделённом на начальников, бандитов и неудачников, слаще всего жирковали именно *бляди* и *паразиты*. Они, ничем не рискуя (убивали их отцов, гноили в тюрьмах их любовников, разоряли и трамбовали в грунт их родителей — но не их, не их), харчевались смачно, на отлёт [5].

Повторимся: это превосходство паразита — даже моральное! — над всеми остальными определялось суцностными характеристиками блядского режима.

XI

И, наконец, скажем несколько слов про социальные ниши, образовавшиеся в ельцинскую эпоху. Про ельцинских любимцев — и ельцинских опущенцев.

Веселящаяся (в том числе и веселящаяся на троне) блядь больше всего ненавидит тех, кто её *не хочет*. В частности, не хочет участвовать в её весельях. Тут важно это самое «не хочет»: понятное дело, что до самих поблядушек будут допущены только избранные. Однако все остальные, по мнению бляди, должны ей как минимум завидовать, причём завидовать честно и от души. Ещё

лучше — тереться возле бляди, развлекать её и выпрашивать вкусные кусочки. Те же, кто кривит морду и смотрит на блядь и её блядву с презрением (или хотя бы без должного заискивания), — тех блядь очень и очень не любит и норовит сжить со свету.

Поэтому в ельцинской Эрефии никому не жилось так весело, как «творческим работникам». Начиная от ресторанной певички и кончая Аллой Борисовной Пугачёвой, все они так или иначе получили свой кусочек сахара.

Влияние эстрадных пустоплясов на экономическую, политическую и духовную жизнь Эрефии *невозможно переоценить*. Фактически эстрада заменила собой всякую «духовную жизнь». Монологи Жванецкого заняли место официальной идеологии, а вся радость жизни перешла в ведение той самой жеманоглотливой Аллы Борисовны Пугачёвой, этого космического монстра, слопавшего солнце и луну и раздувшегося

[5] Интересно рассмотреть с этой точки зрения происхождение ельцинского «среднего класса».

Если коротко, то матерью всего постсоветского мыдла можно считать «секретутку-референтку». В пору раннего ельцинизма этим словосочетанием обозначали девку в штате какой-нибудь воровской конторы, промышлявшей кредитами, компьютерами и «всякими такими делами». В обязанности девки входило кофе, классика, минет, в продвинутом варианте — анал и машинопись («ещё и печатает»). Платили девке не очень много, огуливали без лишних нежностей, зато она не отвечала за форс-мажоры, а в случае полного

кирдеца просто переходила в другую похожую контору, где требовались те же умения. «Зубы, дура, зубы», а потом — «сделай нам кофе, девочка, мы спешим».

Сейчас, конечно, нето. Нынешняя офисня — каковую сейчас, собственно, и именуют «российским средним классом», ибо другого значения это слово в Эрефии не имеет, — предпочитает не вспоминать о своём малопочтенном генезисе. Даже пресловутое «секретарь-референт» начало значить что-то вполне приличное. Однако пряная отдушка девяностых всё ещё никуда не делась. А в кондиционированном офисном воздухе топором висит суровое, но справедливое

русское слово: «притырки».

Именно **притырочье житьё** и притырочные нравы, *modus vivendi* пристроившегося к крупным ворам и воровайкам «персонала», и есть то самое, что у нас изрядно портит амбре нарождающегося миддла (или, как сейчас говорят, мыдла).

до галактических каких-то пределов. Алла Борисовна была буквально, буквально везде, везде и всюду она застила собой абсолютно всё, а случайно образовавшиеся дырки затыкались Киркоровым. Непонятно, почему гимном Эрефии не стала «Зайка моя» — наверное, потому, что никто не удосужился переложить это на музыку Глинки. «Но было где-то близко».

Неудивительно, что противоположной категорией людей, которые ельцинской блядье были физически отвратительны, стали все те, кто Пугачёву не любил или подозревался в нелюбви.

Прежде всего это коснулось людей образованных и что-то умеющих, в особенности — занимавшихся наукой.

Уничтожение российской науки и техники, разумеется, объяснимо с точки зрения проигрыша России в Третьей мировой: понятно, что коллаборационистские власти первым делом обезглавили именно науку и образование. Однако тут есть свои нюансы. В ненависти ельцинской блядвы к «образованным» (в особенности русским) было что-то метафизическое. Понятно, когда профессор вывозят за границу или заставляют работать на неё здесь. Но только ельцинские додумались «создать условия», при которых университетские профессора отправлялись торговать польской косметикой под присмотром полуграмотных чурбанов из аулов. Понятное дело, что насыпать им по несколько сотен баксов было делом простейшим — но тут в душу глянула именно что блядская обидка: *эти нас не уважают и уважать не будут. И не насыпали.*

Примерно теми же соображениями можно объяснить то сладострастие, с которым уничтожалась советская наука и техника. Опять же, требования американцев-победителей были вполне понятны: разорить и разрушить покорившуюся страну полагается по всем правилам военного искусства, лучше это делать руками аборигенов, тут всё понятно. Но даже прямо контролируемые оккупантами немецкие власти демонтировали великую немецкую науку, как

минимум, с угрюмым сожалением, и многое сохранили. В том же, как громилось советское наследие, было именно изощрённое злорадство. Причём оно было заявлено в качестве программы с самого начала — когда «Буран» был поставлен на прикол в «парке культуры». И превращён не во что-нибудь — в *ресторанчик*.

Как и всё лучшее, что было создано русскими людьми в России.

XII

Глядя с моей колокольни, сейчас к Ельцину возможны два отношения. С одной стороны, хочется, чтобы гадина жила ещё долго, чтобы дотянула до справедливого суда. С другой — у многих людей я встречал тоскливое предчувствие: пока ЕБН жив, в России будет продолжаться тот ад, который установился здесь в проклятом девяносто первом.

Не знаю, кто прав — да и к тому же оба упования, в сущности, тщетны. Ибо на фоне того, что совершил и чему способствовал этот человек, любой человеческий суд выглядит смешно и безобидно, как слезинка ребёнка. Что до высшего суда, то у него, скорее всего, найдутся свои соображения, нам неведомые.

Однако всё это не отменяет ни правил вежливости — которые стоит соблюдать даже по отношению к последним подонкам, — ни морального долга *помнить всё*. Ибо — «кто прошлое помянет, тому глаз вон, а кто забудет — тому два».

С днём рождения, Борис Николаевич.
Мы вас помним.

О «НИКОЛАЕ КРОВАВОМ»

Николай Второй

Столетие со дня убийства последнего русского Царя и его семьи подняло с глубин всяческие придонные формы жизни. Советские патриоты и отмороженные либералы, циничные журналисты и благообразные «новые православные», обычно на дух друг друга не переносящие, объединились, чтобы порадоваться убийству Императора, поглумиться над ним или хотя бы поклеветать на него. Такое трогательное единство стаи кошек-поганок, отлично знающих, чьё мясо они едят, вызывает даже какое-то умиление. Если кому интересно — посмотрите вот эту подборочку [60], она очень характерная.

[60] Кунсткамера и Паноптикум: сто лет вместе //Живой журнал Bohemicus. 19.07.2018. URL: <https://bohemicus.livejournal.com/128133.html> (дата обращения: 09.09.2022).

К счастью, добрых русских людей в этой стране за истекшее время прибавилось. В Екатеринбурге состоялся Царский крестный ход, приуроченный к столетию со дня расстрела Императора и его семьи. Собралось около ста тысяч человек, шествие растянулось на двадцать километров. Понятное дело, у Церкви мобилизационные возможности сейчас побольше, чем у «Эха Москвы» или даже у великого журналиста Невзорова. Но важно и то, что мобилизовывать можно только тех, кто к мобилизации готов. Никакие батюшки не смогли бы организовать крестный ход в поддержку повышения пенсионного возраста.

Впрочем, не нужно думать, что тут «вопрос религиозный». Вполне светские люди, ещё вчера по инерции повторяющие зады советской пропаганды («царь был плохой, негодный, правильно убили») начинают задумываться — а в самом деле, хорошо ли было убивать Царя и его семью? А главное — зачем? Если Царь был такой плохой и его все так ненавидели, почему бы не поступить с ним, как с Вильгельмом немецким, развязавшим, между прочим, мировую войну? Но его почему-то никто не убивал, а дали тихо дожить... Как-то непонятно. А если начать копать эту маленькую непонятку, откроется очень и очень многое. В конечном итоге — всё откроется. И про «революцию», и про то, кто её на самом деле сделал, а главное — зачем.

В рамках небольшой статьи мы не можем ответить на все эти вопросы, да ещё и доказательно. Автор ставит себе очень скромную цель. А именно — поставить всего один вопрос и попробовать его разобрать. Но вопрос интересный, важный и в советском дискурсе (да простится мне такое слово) актуальный.

Все советские дети знали, что «Николашку второго народ прозвал Кровавым». Про «народное прозвище Николай Кровавый» написано было во всех учебниках. Потом это ещё и в кино повторяли, чтобы не забыли. При этом через другие рупоры те же советские пропагандисты кричали про «царя-тряпку», «царя-слабака»,

который, дескать, «ничего не мог». С прозвищем «Кровавый» это как-то не очень вязалось.

Кстати, а откуда это «народное прозвище» вообще пошло?

Разумеется, серьёзной литературы на эту тему практически не существует — в основном советские агитки. Однако мы живём в эпоху доступной информации. Так что люди стали копать — и раскопали. Как выяснилось, сама формулировка «Николай Кровавый» была впервые обнародована при следующих обстоятельствах [61].

В 1910 году в каторжной тюрьме выпороли двух политзаключённых. Сейчас, когда пытки в тюрьмах — дело совершенно житейское, подобная чувствительность выглядит странно. Но не надо забывать, что Российская Империя была очень гуманной страной. Что её, *obiter dictum* [62], и сгубило.

Далее произошло вот что. Дабы выразить солидарность с выпоротыми студентами, покончил с собой некий Егор Созонов, эсер-террорист (что особенно характерно — из древлеблагочестивой старообрядческой семьи), убийца Вячеслава Константиновича Плеве. Вообще-то мерзавца должны были повесить. Однако всё та же доброта «царизма» и здесь сыграла скверную роль: вместо повешения убийцу отправили на каторгу. Сначала бессрочную, но после амнистии 1905 года её ограничили. В момент самоубийства ему оставалось два месяца до выхода на волю.

Поводом к самоубийству, как уже было сказано, была порка двух студентов, Петрова и Соломянского. Дабы обратить внимание общественного мнения на этот ужас, Созонов, по официальному заключению, «принял яд».

Из Википедии, очень вкусное [63]:

[61] К истории прозвища «Кровавый» // Живой журнал shatsky. 13.02.2011 URL: <https://shatsky.livejournal.com/16424.html> (дата обращения: 09.09.2022).

[62] Кстати говоря (лат.).

[63] Созонов, Егор Сергеевич // Википедия. [2020]. Дата обновления: 24.05.2020. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=1812117&oldid=107241451> (дата обращения: 09.09.2022).

Первоначально его похоронили в Горном Зерентуе. 25 мая 1917 года прах Созонова был привезён в Уфу. Состоялось перезахоронение на Сергиевском кладбище. На могиле в 1917 году был установлен памятник. Он представлял собой

четырёхгранный обелиск высотой 3 м, шириной 1,3 м. Сложен из кирпича, зацементирован и отштукатурен. В центре обелиска, в нише, в кирпичную кладку вмурована мраморная плита серого цвета с надписью: «Погибнуть в борьбе за победу своего идеала — великое счастье. Среди ужасов — смерти и крови — рождается свобода». На другой стороне обелиска, тоже в нише, была вмурована мраморная плита с текстом: «Я должен умереть. Ожидать лишний день — это значит, может быть, увидеть новые жертвы».

Естественно, убийца удостоился обычной советской чести — его именем названо несколько улиц в русских городах. Правда, для простоты большевики переименовали Созонова в Сазонова. Особенно смешно получилось в Воронеже, где есть улица Петра (!) Сазонова. Как объясняет всё та же Википедия,

раньше на этом месте пересекались улицы Петра Алексеева и Егора Сазонова. В 1970-х годах улицы были застроены, а оставшийся проезжий участок получил «объединённое» название.

Эта последняя деталь объясняет очень многое. Советские товарищи и себя ощущали грязью, и своих «героев» тоже. Они называли их именами русские улицы не для того, чтобы увековечить их память («улица памяти Васи... ах он Петя? Да и хрен бы с ним, оставим Васю»), а чтобы замазать своим дерьмом старое русское название. Ну а что это за дерьмо и какого сорта — им было, в сущности, без разницы.

Вернёмся к самоубийству Созонова. Вообще-то для привлечения внимания ему достаточно было и голодовки, общество было тогда чувствительным. Судя по всему, Созонов был либо не вполне в себе, либо ему помогли совершить подвиг революционные товарищи. Я бы предположил сначала второе — революционеры

были людьми удивительно мерзкими, и убить своего товарища «ради Дела» для них было вполне нормальным ходом. Тем более — яд... Впрочем, и это — *obiter dictum*.

Теперь следите за руками. Порка студентов и самоубийство (в кавычках или без) Созонова в Петербурге и Москве вызвали очередные студенческие волнения. Как организовывались эти волнения — понятно: в университетах заправляли уголовники и разгулянная революционная сволота, которая, по тогдашнему выражению, «коноводила» (то есть дурачками-студентами управляла, как хотела).

Государство запретило газетам писать о волнениях. Это вызвало неудовольствие господ газетчиков, но ещё более — левых. Третьего декабря 1910 года социал-демократическая фракция Государственной Думы (то есть большевички) подала запрос «относительно запрещения печати оглашать сведения о происходящих в Петербурге событиях в высших учебных заведениях».

Поначалу дискуссия шла по накатанной схеме — левые «обличали страшное самодержавие», правые говорили, что нечего разгуливать сволоту. И вдруг крайне правый депутат Пуришкевич выступил с речью, в которой потребовал открытого обсуждения в прессе студенческих волнений.

Высказался он в следующих энергических выражениях:

В стенах университета почтили память многоуважаемого товарища Созонова и говорили, что на смерти его должны воспитываться молодые студенческие поколения. И не говорил ли товарищ Борис, что пора покончить с сатрапами кровавого Николая Второго. Вот это и есть то величайшее зло и то безобразие, которое должно быть вскрыто. И только после этих безобразий, только после того, как было произведено оскорбление Величества, в стены университета была введена полиция, которая разогнала собравшуюся там шваль, позволявшую себе оскорблять священное имя.

О правом депутате Пуришкевиче стоит сказать несколько слов. Данный товарищ играл в событиях «революции» примерно ту же роль, что Жириновский сейчас,— то есть роль пугала для тогдашних людей «со светлыми лицами». Подобие между Жириновским и Пуришкевичем просматривается даже на уровне мелких приёмов. Например, швыряние стакана с водой в собеседника — это была коронная фишка Пуришкевича. Жирик, видимо, заимствовал этот приём у своего прототипа (а может быть, ему подсказали «такие же люди»).

Судя по всему, Пуришкевич действовал вполне сознательно. Выдавая себя за монархиста, русского националиста и крайне правого, он всячески вредил монархии и русскому делу. Будучи одним из лидеров Союза Русского Народа, он его расколол, создав «Союз имени Михаила Архангела». Он поддерживал все либеральные реформы. Он был одним из убийц Распутина — и, что важнее, одним из создателей «распутинского мифа». И много ещё в чём участвовал этот любопытный персонаж.

Что особенно интересно — советская власть обошлась с ним поразительно гуманно. Как сообщает всё та же Википедия [64],

[64] Пуришкевич, Владимир Митрофанович // Википедия. [2020]. Дата обновления: 07.09.2020. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=251689&oldid=109143523> (дата обращения: 09.09.2022).

18 ноября [1917 года] Пуришкевич был арестован в гостинице «Россия» по обвинению в контрреволюционном заговоре. Приговор оказался необыкновенно мягким: 4 года принудительных общественных работ при тюрьме. Но уже 17 апреля 1918 г. Пуришкевича выпустили из тюрьмы, после личного вмешательства Ф. Э. Дзержинского и комиссара юстиции Северной коммуны Н. Н. Крестинского. Формальной причиной освобождения стала «болезнь сына». С него взяли честное слово о неучастии в политической деятельности во время отпуска из тюрьмы. А 1 мая по декрету Петроградского Совета Пуришкевич был амнистирован.

Для сравнения — настоящих русских националистов (таких, как Меньшиков) убивали на месте. Видимо, у Пуришкевича имелись какие-то заслуги перед революцией. Да такие, что игнорировать их не мог даже людоед Дзержинский.

Но вернёмся к описываемому эпизоду. Итак, Пуришкевич процитировал фразу Бориса Созонова, где упоминался «кровавый Николай». Из-за чего газеты, перепечатавшие его речь, изъяли из продажи. Разумеется, всё приличное общество тут же было осведомлено, что изъятие произошло из-за выражения «кровавый Николай».

Выражаясь современным языком, «через Пуришкевича ВБРОСИЛИ МЕМ». А точнее — вбросил его сам Пуришкевич. Разумеется, вполне сознательно.

Кстати, вброс был не первым. «Русский поэт Бальмонт» ещё в 1907 году, проживая за границей, опубликовал сборник стихов «Песни мстителя», где половина стихов были посвящены поношению Николая Второго и семьи Романовых. В частности, там была строчка «наш царь — кровавое пятно» (и это было самое приличное). В отличие от несчастного сифилитика Блока, приветствовавшего «февральскую революцию» и потом советскую власть из чистого желания саморазрушения, Бальмонт был хладнокровный подлец, пытавшийся делать карьеру у революционеров. В частности, он предлагал Временному правительству вариант гимна России, следующего содержания:

*Да здравствует Россия, свободная страна!
Свободная стихия великой суждена!
Могучая держава, безбрежный океан!
Борцам за волю слава, развеявшим туман!
Да здравствует Россия, свободная страна!
Свободная стихия великой суждена!
Леса, поля, и нивы, и степи, и моря,
Мы вольны и счастливы, нам всем горит заря!
Да здравствует Россия, свободная страна!
Свободная стихия великой суждена!*

Судя по этому шедевру, Михалков с его тремя гимнами превзошёл Бальмонта как поэт во всех отношениях.

Когда к власти пришли большевики, великий лирик предпочёл эмигрировать. Очень жаль, что в эмиграции никто даже не надавал ему по щекам за его бывшее революционное скотство — не говоря уже о чём-то большем, что сделал бы любой уважающий себя народ с такой тварью. Добр русский человек, в этом и состоит его главная беда.

Вброс Пуришкевича, впрочем, оказался малоуспешным. Про «смелое высказывание» поговорили, но «Николай Кровавый» к Государю не приклеился. Несмотря на постоянные — и довольно странно выглядящие — попытки как-то реанимировать эту тему.

И проблема тут была не во всеобщей любви к Государю — к тому времени Хозяева Дискурса настроили против Царя практически всех грамотных дураков, то есть большинство общества. Прозвище «кровавый» совершенно не ложится в общий строй русской речи. Ну нет у русских привычки обзывать кого-то «кровавым». Ещё более-менее это слово звучит во множественном числе. «Кровавые палачи» — ну туда-сюда. Но с личным именем вместе? Никак. «Кровавый Вася», «кровавый Петя» — ну смешно же.

При этом русское ругательное слово, связанное с кровью, имеется. Это слово «кровопийца». Можно «кровосос», даже «кровохлёб». Но не «кровавый». «Кровавый» — это что-то очень книжное, вымученное. В народное происхождение такого прозвища не верится абсолютно.

Это касается не только Николая. «Кровавое воскресенье» — тоже, в общем-то, не по-русски звучит. Вот «Ленский расстрел» — да, в это верится, именно так это событие и называли бы русские люди с их конкретным мышлением. А поэтическое «Кровавое воскресенье» — слух режет. Не так, как «Николай Кровавый», но всё-таки. Хотя назови это «Петербургским расстрелом» — все бы поняли [65].

Что-то с этим словом *не то*.

Так почему же с упорством, достойным лучшего применения, именно это неудачное слово всё клеят и клеят к имени Николая? Когда очевидно, что «ну не клеится»?

Это можно объяснить только одним обстоятельством. Люди, работавшие над очернением образа царя, ПОЛУЧИЛИ ИНСТРУКЦИЮ. То есть приказ — «говорить так». Приказ начальника — закон для подчинённого. Причём начальник был ТАКОЙ, что его приказы сто лет подряд исполняются неукоснительно.

Чей это был приказ и откуда?

На последний вопрос тоже отвечает язык. Потому что есть язык, на котором эпитет «кровавый» — один из самых расхожих. И это английский. Где есть обзывательство *bloody*. Применяемое к чему ни попадя.

Формально это слово переводится именно как «кровавый». На самом деле это просто ругательство, что-то вроде «сволочь», «мразь», «проклятый» и т. п. Лучше всего на русский это слово переводится другим русским прилагательным, звучащим очень похоже, хотя и являющимся производным не от слова «кровь», а от слова «блуд».

Впрочем, тут возможна и связь: неясно ведь, что за кровь имеется в виду. Возможно, английское слово содержит указание на *нечистую кровь* и сомнительное происхождение — и тогда оба слова являются полными синонимами. Надеюсь, филологи и историки когда-нибудь займутся этим вопросом.

Что особенно интересно, это прозвище англичане любят лепить на всяких политических деятелей. Начиная с английской королевы Марии I «Католички», известной как *Bloody Mary*, и кончая вполне современными персонажами (насколько мне известно, популярный коктейль назван именно в честь Марии I, хотя превращение имени исторического персонажа в название блюда в большинстве случаев является никакой не честью, а совсем даже наоборот: культ Наполеона в России окончательно пал, когда в 1912 году появился торт «Наполеон»). С 1902

[65] Я намеренно не обсуждаю эту тему, хотя «тут всё ясно», — достаточно посмотреть на то, чья именно пресса (вы удивитесь, британская!) публиковала заоблачные цифры убитых и раненых, а также распространяла слухи, что будто бы русский царь лично расстреливал людей то ли из пулемёта, то ли из винтовки.

по 1905 Британию тоже возглавлял человек с прозвищем «кровавый». Лорд Артур Джеймс Бальфур был известен как Bloody Balfour из-за жёстких мер, принимавшийся им ранее против ирландского самоуправления. Интересно, что он *не* заслужил этого прозвища за англо-бурскую войну, выигранную под его руководством Британией за счёт ряда остроумных английских новшеств — например, концлагерей.

Лорд Бальфур много занимался Россией.

В частности, именно при нём Великобритания подерживала (чтобы не сказать — науськивала и снабжала) Японию в её войне с Россией. Он же, судя по всему, был архитектором Гулььского инцидента [66], антирусской британской провокации.

Очень интересен вопрос, чем занимался Бальфур в период с конца 1905 по май 1915. Формально он вроде как «занимался партийными делами». Однако, учитывая деятельную натуру этого господина, логичнее всего предположить, что он был поставлен на какой-то очень важный для Британии проект, который и поглощал всё его время и силы.

И такой проект был — «русская революция». Для Британской Империи — невероятно важный и значимый.

Сразу предупреждаем читателя: всё, что ниже, — именно что предположения. У автора нет документов, свидетельствующих о том, что именно Артур Джеймс Бальфур *курировал* процессы, происходившие в России. Относитесь к этому как к фантазии — но как к фантазии не совсем уж пустой, а довольно-таки основательной. Я бы сказал так — в этом направлении стоило бы копать.

Но мы в очередной раз отвлеклись.

Вернёмся к теме «кровавого».

Если допустить, что именно Бальфур занимался такой щекотливой темой, как очернение Николая Второго, то, весьма вероятно, он старался подобрать что-нибудь достаточно обидное. Судил же он, как и все люди, по себе. Скорее всего, прозвище Bloody Balfour его раздражало. Несмотря на прославленное

бальфуровское хладнокровие и неизменную любезность — а ведь именно Бальфур был одним из двух прославленных англичан, сформировавших «британский стиль», — он, скорее всего, прозвищем тяготился.

Не он ли перепасовал обзывалку Николаю Второму? Это было бы и логично, и по-человечески понятно. Зачем напрягаться и что-то выдумывать?

Обзывалка не пошла, хотя продажные российские политики, выполняя английский приказ, пытались её форсировать. «Не покатило». Но инструкцию никто не отменял, и «народное прозвище» (в советском лексиконе «воля народа» = «воля Форин Офиса») продолжало булькать в советских книжках. Сейчас советоды его снова пытаются форсировать.

Так ли это? Достаточно заглянуть в ту же Википедию. В английской версии статьи про Николая Второго в первом же абзаце сказано: «Его политические противники дали ему прозвище Николай Кровавый или Мерзкий Николай из-за Ходынской трагедии, антисемитских погромов, Кровавого воскресенья, насильственного подавления русской революции 1905 года, казней политических оппонентов и вменённой ему ответственности за русско-японскую войну» [67]. На других языках ничего подобного нет.

Тут уже всё понятно. Особенно интересна тема «мерзкого Николая» — видимо, форсировали и это, но не преуспели совсем.

И наконец. Справедливы ли предположения автора относительно авторства прозвища «кровавый»? Кто знает, но вот по поводу лично Бальфура можно сказать так: учитывая роль этого благообразного джентльмена в истории (например, в истории Ближнего Востока [68] и во многом другом [69]), его прозвище уж точно можно считать заслуженным.

[66] Гулььский инцидент // Википедия. [2020]. Дата обновления: 22.10.2020. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=92672&oldid=110032361> (дата обращения: 09.09.2022).

[67] He was given the nickname Nicholas the Bloody or Vile Nicholas by his political adversaries due to the Khodynka Tragedy, anti-Semitic pogroms, Bloody Sunday, the violent suppression of the 1905 Russian Revolution, the executions of political opponents, and his perceived responsibility for the Russo-Japanese War.

[68] Декларация Бальфура (1917) // Википедия. [2020]. Дата обновления: 21.10.2020. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=368012&oldid=110027847> (дата обращения: 09.09.2022).

[69] Декларация Бальфура (1926) // Википедия. [2020]. Дата обновления: 19.10.2020. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=1525932&oldid=109980587> (дата обращения: 09.09.2022).

Вы прочитали фрагмент книги Константина Анатольевича Крылова «Друзья и недруги».

Константин Крылов (18.10.1967–12.05.2020) — русский философ, писатель-фантаст, публицист, политик. Литературный псевдоним — Михаил Харитонов. Основатель журнала «Вопросы национализма» и так и незарегистрированной Национально-Демократической партии. Один из идейных лидеров русского национализма.

В полной версии книги на 280 страницах представлены 16 эссе о значимых персонажах русской истории, написанных в фирменной крыловской манере — ядовито и саркастично.

Приобрести книгу можно на сайте издательства:
<https://chernaya100.com/krylov-pochtinekrologi>

Константин Анатольевич Крылов ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ

арт-директор: **Никита Викторович Лукинский**
иллюстратор: **Анна Андреевна Хорошева**
корректор: **Дарья Александровна Пинигина**
литературный редактор: **Андрей Валерьевич Никитин**
верстальщик: **Софья Игоревна Алексеева**
технический редактор: **Тимур Русланович Венков**
главный редактор: **Дмитрий Николаевич Бастраков**

Выпуск подготовлен
командой издательства
«Чёрная Сотня»

сайт и магазин: t.me/chernaya100
телеграм-канал: t.me/chernaya100
группа ВКонтакте: vk.com/chernaya100
страница в Инстаграме: instagram.com/chernaya100
страница в Фейсбуке: facebook.com/chernaya100

УДК 929 ББК 63.3(2)6-8 К85
Крылов, К. А. Друзья и недруги. — Н. Новгород: Чёрная Сотня, 2022. — 280 с.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная 100 гр., печать офсетная.
Усл. печ. л. 19. Уч.-изд. л. 14,6. Тираж 2000. Издательство «Чёрная Сотня».
Нижний Новгород, сентябрь 2022.